

Во владении доминиканских братьев-проповедников, которых обыкновенно называли якобинцами, была на улице Сент-Оноре зала - длинная, прямоугольная, с четырьмя рядами сидений, годная для многолюдных собраний. Тотчас после переезда Собрания в Париж, залу эту, полную трагических воспоминаний о Лиге и некогда слышавшую священников, проповедовавших цареубийство, наняли члены Бретонского клуба. Они основались здесь под именем Клуба друзей конституции и приготовили здесь народную трибуну, являющуюся соперницей другой трибуны... Париж сделал этот клуб своим собственным и тотчас же отдал его революции. Париж назвал его Клубом якобинцев; Париж силою вломился в его двери, открытые вначале только для депутатов... А с другой стороны, благодаря Клубу якобинцев и его отделениям в главных городах королевства, Париж мог разлиться повсюду и заразить своею кипучею жизнью всю Францию.

Луи Блан

Н. И. Владимирова

ЯКОБИНСКИЙ КЛУБ в ДНИ ВАРЕННСКОГО КРИЗИСА лета 1791 года

В сб.: «Из истории якобинской диктатуры»

Труды межвуз. науч. конференции по истории якобинской диктатуры

Одесса. МСМЛХІІ (1962). С.223-262.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайты Vive Liberta и Век Просвещения ©

История Якобинского клуба неотделима от истории Великой французской революции. Вот почему в широком смысле слова его историография - это необозримая историография самой революции. И в то же время, как это на первый взгляд ни странно, несмотря на то, что во многих отношениях центральное место, которое заняла эта организация на первых этапах революции, не говоря уже о важнейшей роли Якобинского клуба и тысяч его ответвлений в провинции в системе революционно-демократической якобинской диктатуры, как партийной организации стоявших в 1793-1794 г. у власти низших слоев тогдашней буржуазии - подлинная детальная и последовательная история Якобинского клуба все еще не написана.

Можно полагать, что главной причиной этого явилась именно роль этого клуба в революционной диктатуре, когда его облик определяли те «якобинцы с народом», историческое величие которых, по словам В.И.Ленина, заключалось в том, что они «...были с революционным *большинством* народа, с *революционными* передовыми классами своего времени»¹, которые под их руководством уже на деле (а не на словах) расправились со своим монархом, со своими помещиками, со своими умеренными буржуа посредством самых революционных мер, вплоть до гильотины².

Мелкобуржуазная и народническая историография 40-70-х гг. XIX в. не в состоянии была оценить подлинного исторического значения ни революционной партийности якобинцев, ни осуществлявшихся ими с такой смелостью (хотя и с двойственностью, обусловленной их мелкобуржуазной природой) методов революционного насилия по отношению к врагам революции.

Историография реакционная, как и вся реакционная буржуазия, видела в якобинстве падение - «скатиться вниз»³. Автор остающейся до сих пор наиболее полной в фактическом отношении истории Якобинского клуба немецкий историк Цинкайзен, писал уже более века тому назад о нем, как о «порождении исключительного, ужаснейшего разрушения государственного порядка», которое в силу этого «останется изолированным явлением: ничего подобного никогда раньше не знала всемирная история, немислимо подобное и в будущем. Только полное бессилие правительственной власти... могло привести к появлению этой неслыханной и устрашающей организации»⁴. Уже значительно позже, хорошо знавший вкусы буржуазных читателей его этюдов и очерков по истории Парижа в дни революции 1789-1794 гг. Ж.Ленотр заявлял: «Мы не собираемся писать политическую историю Якобинского клуба, историю, впрочем, еще никем не написанную и стоящую выше нашей компетенции»⁵. Но то, что было явно не по силам этому довольно поверхностному автору, могла бы выполнить т.н. «научная» школа истории революции, основатель которой **А.Олар** внес огромной ценности вклад в изучение истории Якобинского клуба и тем самым всей революции, осуществив в 1889-1897 гг. известное шеститомное издание наиболее полного собрания источников по истории, этого клуба⁶.

Однако, располагая этим огромным документальным материалом, Олар, этот крупнейший буржуазный историк Великой французской революции из числа живших в конце XIX и начале XX в., в силу своих социальных симпатий, выразившихся во всяческом превознесении им **Дантона**, не мог стать и не стал летописцем Якобинского клуба, душой и вождем которого в лучшую пору его существования был Робеспьер. Не взялись за эту задачу и поставивший своей целью своеобразную «реабилитацию» Робеспьера **А.Матьез** и его школа.

Не находим мы посвященных Якобинскому клубу специальных исследований и в работах историков, принадлежавших к социалистическим партиям эпохи II Интернационала. Правда, значительное внимание было уделено этому вопросу **Ж.Жоресом** в его «Социалистической истории французской революции».

Вот почему в дооктябрьской зарубежной историографии к книге Цинкайзена добавилась в 1910 г. только работа **А.Фрибура**⁷.

Несколько больше работ по истории Якобинского клуба появилось в послеоктябрьский период. Однако, например, книга Л.Карденалья⁸ была посвящена исключительно якобинским клубам в провинции, что же касается книг Ж.Кастельно и Жерар Вальтера⁹, то во-первых, они по своему характеру скорее рассчитаны на широкого читателя, во-вторых, страдают непониманием своеобразия революционной партийности якобинцев и ее исторического значения, не говоря уже об отсутствии классового анализа явлений и процессов периода революции. Это видно, например, из утверждений Ж.Кастельно о том, что существовала эпоха, когда «каждый человек со сколько-нибудь возвышенной душой должен был быть якобинцем», о том, что со смертью Робеспьера «погас разум революции» и т. д.

Более серьезной по своему характеру является книга Бринтона¹⁰.

Несомненно, известный вклад в изучение истории Якобинского клуба внесла новейшая литература о Робеспьере¹¹, а в особенности новое издание его речей, осуществляемое с 1950 г. М.Булазо, Ж.Лефевром и А.Собулем, равно как и множество отдельных статей и сообщений, публикуемых на страницах «Annales historiques de la Revolution francaise».

Уяснению облика якобинцев и характера их отношения к санкюлотам во многом способствовали многочисленные ценные работы и публикации А.Собуля и В.Маркова¹², хотя не со всеми выводами этих исследователей и можно согласиться.

В дооктябрьской русской и советской историографии Якобинского клуба или его, отдельных периодов следует отметить исследование Б.Зарудского, рассматривающее историю Якобинского клуба до первого раскола в нем, т. е. до 16 июля 1791 г.¹³, работы С.Моносова¹⁴, носившие научно-популярный характер и страдающие рядом ошибок в оценке отдельных групп якобинского блока.

Значительное место освещению роли клуба на различных этапах революции уделено в известном коллективном труде советских историков по ее истории, в научно-популярном очерке А.З.Манфреда, а также в ряде отдельных исследований¹⁵.

Итак, можно констатировать следующее. В современной буржуазной исторической науке нет капитального и обширного строго научного труда по истории Якобинского клуба. Отсутствуют здесь и монографические исследования, освещающие отдельные этапы этой истории, протекавшей в острой и сложной внутренней борьбе.

Не создан еще, к сожалению, такого рода труд и в современной марксистской историографии¹⁶. Между тем, выполнить эту важнейшую для развития всей историографии революции 1789-1794 гг. задачу в состоянии только марксистская историческая наука. Ибо только в ней изучение истории этой революции в целом и ее отдельных узловых проблем стоит на незыблемом теоретическом фундаменте, на познании открытых классиками марксизма-ленинизма ведущих закономерностей развития классовой борьбы в годы этой революции.

Основываясь на посвященных этим вопросам многочисленных трудах К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина, подвергая дальнейшему исследованию документальные первоисточники, историки марксисты должны шаг за шагом восстановить действительную картину возникновения, развития и деятельности Якобинского клуба с тем, чтобы показать его значение в ходе революции. Осуществлению этой задачи и должна послужить данная работа, начатая и осуществлявшаяся в 1939-1941 гг. по совету и под руководством покойного проф. К.П.Добролюбского, как часть задуманной им коллективной работы группы его аспирантов, итогом которой должна была явиться целостная картина истории Якобинского клуба.

В данном случае наша работа ставит своей целью осветить один краткий, но чрезвычайно важный период этой истории с 20 июня до 17 июля 1791 г., т. е. историю этого клуба в дни т.н. Вареннского кризиса.

Необходимость углубленного изучения именно этого периода подтверждается тем, что не только в то время, когда начата была данная работа, но и в наши дни степень изученности социальных причин этого кризиса и его отражение в ходе борьбы внутри различных групп бывшего III сословия и его политических организаций далеко не может быть признана удовлетворительной¹⁷. Специальных же исследований по истории Якобинского клуба в дни этого кризиса, насколько нам известно, до сих пор вообще не предпринималось.

В данной работе автор ограничил свою задачу не только хронологическими рамками, но и отбором источников. Его целью было рассмотреть с марксистско-ленинских методологических позиций в первую очередь те источники, которые были впервые собраны А.Оларом в названном выше издании и, как нам представляется, изучены еще далеко не исчерпывающим образом.

Сопоставляя данные этих источников с фактами из истории массового демократического, народного движения лета 1791 г., автор стремился раскрыть связь между отношением этих масс к политическим проблемам, выдвинутым перед ними т.н. Вареннским кризисом, их ролью в событиях этих дней с обострением внутренней борьбы в Якобинском клубе и ее последствиями, приведшими к уходу из него «фельянских» групп.

Облик, характер деятельности и значение Якобинского клуба обычно представляются гораздо более ярко и отчетливо в период высшего его подъема, т. е. в дни якобинской диктатуры.

Начальные же этапы процесса формирования партии «якобинцев с народом», партии революционной буржуазии, наиболее последовательных буржуазных демократов, процесса, протекавшего в организационном отношении в стенах этого клуба, под сводами монастыря св. Якова на улице Сент-Оноре, обычно остаются как бы в полумраке.

Напомним, что его предшественник - Бретонский клуб был создан в Версале депутатами Национального собрания от Бретани в начале революции 1789 г., последовал за ним в Париж в октябре и, пополненный рядом депутатов от других частей Франции, но преимущественно из среды имущих либерально-буржуазных групп III сословия, превратился в «Общество друзей Конституции, заседающее у Якобинцев»¹⁸.

Состав его в это время в социальном отношении был довольно разнороден. Количественно преобладали здесь умеренные либералы из среды дворянства и крупной буржуазии, наиболее типичными и влиятельными представителями которых являлись Барнав, братья Ламет и др. Олицетворяя в себе социально-политические силы, преобладавшие в Учредительном собрании и фактически стоявшие тогда у кормила правления, члены известного «триумvirата» и их единомышленники фактически определяли и политические позиции большинства Якобинского клуба в 1789-1790 гг., и до тех пор успешно подавляли оппозицию руководителей относительно слабого еще демократического крыла.

Высокий размер членских взносов (в первое время 12 ливров вступительных и 24 ливра ежегодных взносов) и система закрытых заседаний (до осени 1791 г.) сознательно отгораживали клуб от малоимущих демократических кругов и лишали тем самым его левое крыло возможной поддержки со стороны их представителей во время заседаний. То обстоятельство, что здесь в этот период постоянно подчеркивалась необходимость строжайшего подчинения законам (принятым в интересах буржуазно-либеральной верхушки имущих классов) и любви к Конституции (оставившей народные массы по-прежнему в состоянии политического бесправия), что даже в первой половине июня 1791 г. здесь монархия - конечно конституционная - продолжала признаваться для Франции необходимой, позволяет сделать следующий вывод. В то время большинство членов Якобинского клуба шло за лидерами, далекими от последовательного буржуазного демократизма, более того - глубоко враждебными ему.

Однако количественный, организационный и идейный перевес среди «Друзей Конституции» представителей умеренной либерально-буржуазной и либерально-дворянской оппозиции, во-первых, не должен заслонять перед нами относительной прогрессивности в условиях 1789-1790 гг. этой организации по сравнению, скажем, с «Клубом 1789 г.», и во-вторых - роли в ней сначала малочисленного левого, демократического крыла, вступавшего во все более и более тесную связь с клубом Кордельеров и народными обществами. Летом 1791 г. во главе этого крыла стояли Робеспьер, Дантон.

Оба эти обстоятельства обуславливали численный рост клуба, насчитывавшего к лету 1791 г. более 1000 членов, увеличение его популярности в Париже и провинции. К августу 1790г. он насчитывал 152 т.н. «присоединившихся» (affiliés) клуба и общества, к 7 марта 1791 г. - 227 а к 19 июля 1791 г. - уже 400, представляя собой единственную в стране столь разветвленную политическую организацию, поддерживавшую регулярную связь со своим центром в столице и бесспорно обладавшую к этому времени наибольшим весом и значением.

Период с 20 июня 1791 г., т. е. с момента бегства короля, до событий 15-17 июля 1791 г. - раскола в Якобинском клубе и расстрела республиканской демонстрации на Марсовом поле - охватывает меньше месяца, но несмотря на краткость его, значение в истории этого клуба огромно.

В полночь 20 июня произошло вероломное бегство короля. На другой день, 21 июня, в 10 часов утра Париж был оповещен об этом тремя пушечными выстрелами и набатом. [Хроника вареннского бегства]

Несмотря на заявление Людовика XVI в оставленном им письме о том, что он признавал Конституцию и постановления Собрания лишь только в силу принуждения, Учредительное собрание объявило, что король был... «похищен». В Собрании начались дебаты по вопросу о виновности короля, имевшие целью замаскировать намеченную большинством депутатов реабилитацию короля перед народом, с целью сохранения монархии. Несмотря на большое возбуждение во всей стране, после двухдневных прений был утвержден (вопреки протестам левой - Робеспьера, Грегуара и др.) доклад с версией о «похищении» короля. Под этим внешним покровом борьбы за сохранение монархии скрывалось стремление крупной конституционно-монархической буржуазии, объединившейся с либеральным дворянством, сохранить господство, завоеванное ею на первом этапе революции.

Как всесторонне разъяснил В.И. Ленин, эта позиция конституционно-монархической, либеральной буржуазии объясняется тем, что «буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию... буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них... чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее..., чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самостоятельности, инициативы и энергии простонародья, т. е. крестьянства и особенно рабочих, ибо иначе рабочим тем легче будет, как говорят французы, «переложить ружье с одного плеча на другое», т. е. направить против самой буржуазии то оружие, которым снабдит их буржуазная революция...»¹⁹.

Что касается отношения народных, в том числе и крестьянских, масс к бегству короля, то это событие, освобождающая их от монархических иллюзий, раскрыло им глаза на тот факт, что Людовик XVI, вопреки всем своим заявлениям и клятвам, и действительности продолжал оставаться врагом революции, тесно связанным с контрреволюционной эмиграцией и иностранными монархами, с которыми он вступил в заговор. Народ переживал в это время новый огромный подъем революционно-патриотических чувств. В своей массе он, несомненно, решительно осудил преступные действия короля и тем самым категорически отверг возможность его возвращения на трон.

Но это еще отнюдь не означало, что массы сделали из факта измены короля республиканские выводы. Бегство короля дало сильнейший толчок развитию республиканского движения различных более или менее демократических оттенков и направлений, но республиканская идея не получила еще в это время своего четкого выражения и не могла сразу овладеть сознанием масс.

Совершенно естественно, что в момент разразившегося в стране острейшего политического кризиса, имевшего социальную подоплеку, лидеры большинства в Якобинском клубе приложили все усилия к тому, чтобы подчинить его отношение к бегству короля позиции занятой большинством Учредительного собрания. Именно к этой цели явно стремились братья Ламет и Барнав, неожиданно явившиеся в сопровождении **Лафайетта** (встреченного резкими нападками в речи Дантона) на экстренное заседание клуба, открывшееся в полдень 21 июня, в связи с бегством короля²⁰. Но на этот раз они встретили энергичное сопротивление со стороны руководителей демократического крыла - Робеспьера и Дантона, опиравшихся на настроения тех передовых групп буржуазной демократии и санкюлотов, которые осуждали не только бегство короля, но и роль его защитников и адвокатов, которую взяло на себя большинство Учредительного собрания.

Речь Робеспьера в этом заседании клуба была поистине выдающимся событием.

Уже и до того такие его выступления здесь, как речь в защиту свободы печати 11 мая 1791 г.²¹, означали не более энергичное сопротивление буржуазно-демократического меньшинства клуба и вместе с тем Учредительного собрания его усиливающемуся антидемократическому законодательству. Но тогда это были еще столкновения по отдельным поводам, да и сама защита естественных, индивидуальных политических прав человека и гражданина велась им, как, например, в этой речи с еще довольно абстрактных позиций.

Уже с первых слов речи 21 июня присутствующие ощутили в ней нечто совершенно иное и новое. От обороны Робеспьер перешел к открытому обвинению вожakov Учредительного собрания и их единомышленников, удерживавших до сих пор под своим влиянием и Якобинский клуб, в измене не только провозглашенным ими же в «Декларации» «правам человека и гражданина», но и самой революции и родине. Речь эта звучала от первого до последнего слова прямым и открытым вызовом большинству Собрания и тем, кто подобно Ламетам, Барнаву и Лафайетту явились в клуб защищать политику стоявшей у власти либерально-буржуазной клики конституционалистов-монархистов, больше того, грозным обвинительным актом против нее, говорившим о начале ее полной изоляции, как пособника и союзника короля. «Мне бегство первого должностного лица отнюдь не представляется катастрофой. Этот день мог бы стать самым прекрасным во всей революции; он может еще стать таким, и тогда выигрыш 40 миллионов, в которые обходится содержание особы короля, был бы самым меньшим из благодетельных этого дня. Но для этого надо было бы принять совсем другие меры, чем это сделало Национальное собрание».

Так начиналась эта речь, огромное историческое значение которой в истории революции и для судьбы Якобинского клуба заключалось прежде всего в том, что Робеспьер открыто назвал в ней главную опасность момента. А он с полным основанием увидел ее не в сговоре Людовика XVI с феодальными монархами Европы, а в том, что, предпринимая попытку к бегству под защиту их штыков, он рассчитывал на существующую в стране могущественную партию, скрывающуюся под маской патриотизма. Из дальнейшего содержания речи неопровержимо вытекало, что главное средоточие этой партии - Национальное собрание. В то время как короле сам написал, покидая Париж, что он бежит, что его никто не похитил, Собрание именно так объясняет причину его исчезновения, прибегая тем самым к гнусному и грубому обману. «Нужны ли вам еще другие доказательства того, что Национальное собрание предало интересы нации?» - спрашивал Робеспьер, и это означало открытый и бесповоротный разрыв между господствующей группой конституционно-монархической буржуазии и либеральных дворян и той буржуазной демократией, которая в эту минуту решительно повернула к народу.

Измена проникла во все органы власти. Военный министр преследует солдат-патриотов и покровительствует офицерам-аристократам. Призванный наблюдать за ним военный комитет Собрания состоит из замаскировавшихся полковников-аристократов, наших самых опасных врагов. Точно так же обстоит дело и с министром иностранных дел Монмореном и дипломатическим комитетом. «Граждане, достаточно ли удалось мне показать вам всю глубину той пропасти, которая угрожает поглотить нашу свободу? Видите ли вы достаточно ясно союз ваших гражданских и военных руководителей между собой... и с вашими комитетами, с Национальным собранием». И предвидя тактику руководителей этого союза, Робеспьер заявил: «Сейчас вам самим предложат объединение со всеми вашими наиболее известными врагами: говорят, что сюда сейчас направляется весь клуб 1789 г.²² - мэр, генерал²³, министры...».

«Клянусь вам, граждане, что все сказанное мной целиком и полностью соответствует действительности... Я знаю, что обвиняя почти всех своих коллег, членов Собрания в том, что они являются контрреволюционерами., я точу против себя тысячу кинжалов и возбуждаю всеобщую ненависть... но я приму как благодетельную смерть, которая не даст мне быть свидетелем, несчастий, наступление которых я считаю неизбежным. Я сейчас привлек к ответу Национальное собрание, пусть же оно привлечет к ответу меня»²⁴.

Огромная сила доказательности речи Робеспьера, внутренней убежденности и страстности кипевшего в ней чувства патриотического негодования увлекли и наэлектризовали его слушателей. «Священный энтузиазм, добродетели овладел всем Собранием и все присутствовавшие поклялись именем свободы защищать Робеспьера даже с опасностью для жизни»²⁵ - читаем в протоколе. **Демулен** пишет в своем отчете, что он был тронут до слез и в ответ на слова Робеспьера о его готовности «заплатить головой за добродетели, о которых он говорил» крикнул: «мы все умрем раньше тебя!». «800 человек одновременно поднялись с мест и охваченные подобно мне невольным волнением поклялись сплотиться вокруг Робеспьера»²⁶. Дантон: «Господа, если изменники присутствуют здесь, я вместе с вами формально обязуюсь сложить мою голову на эшафоте или доказать, что их голова должна пасть к ногам преданной ими нации»²⁷, а когда в эту минуту в зале появилась большая группа членов Национального собрания, то Дантон, заметив среди них Лафайетта, обрушился на него с обвинениями в соучастии в интригах окружения короля, приведших к его бегству, потребовал его отставки и чистки Собрания.

Однако, мы бы очень ошиблись, приняв этот порыв воодушевления, охвативший членов Якобинского клуба, за действительную готовность большинства их «сплотиться вокруг Робеспьера» и выступить против вожаков Национального собрания. Нет, в эту минуту этим последним удалось еще провести прямо противоположное решение, призывавшее к сплочению вокруг большинства Собрания и его лидеров.

Именно к этому их призвал Александр Ламет, убеждавший «отречься от всякой ненависти, прекратить разногласия (*faire cesser toute division*), чтобы сорвать все маневры врагов свободы и твердо и уверенно идти к завершению конституции»²⁸. Ему вторил Барнав, призывавший заклеить тех, кто не принесет свою ненависть и частные мнения в жертву общественным интересам и сойдет с пути, начертанного конституцией²⁹.

Это и выражало позицию руководителей клуба и его либерально-буржуазного ядра, которое в самом начале этого заседания провело решение о том, что члены клуба, разойдясь по различным кварталам столицы, должны распространять там «дух мира, братства и уважение к законам»³⁰.

Теперь, несмотря на сильнейшее впечатление, произведенное речью Робеспьера, как мы видели, открыто обвинившего Национальное собрание в измене народу, это влиятельное ядро, опомнившись, пошло само и смогло повести большинство членов клуба за этим самым Собранием и его лидерами. Принятый текст резолюции, предложенный Барнавом, провозглашал: «Все разногласия (*divisions*) забыты, все патриоты объединены. Наш вождь - Национальное собрание; Конституция - наш клич объединения»³¹. Фраза о короле, удалившемся от Собрания «под влиянием преступных внушений» по существу поддерживала принятую им реабилитировавшую Людовика XVI версию о его «похищении».

Итак, начав с первых же дней своего пребывания у власти поход против политических и социальных прав и требований приведшего их к этой власти народа, крупная конституционно-монархическая буржуазия и либеральное дворянство намерены были теперь «завершить» конституцию 1791 г., призванную закрепить с одной стороны их компромисс и сговор со старым господствующим классом и королевской властью, а с другой - увековечить бесправное положение «илотов» для широких народных и мелкобуржуазных масс. Когда же отнюдь не примирившиеся со своим новым положением король и его окружение нарушили, эту вынужденную сделку и стали на путь военного контрреволюционного переворота, то господствующий блок не только не осудил короля и не лишил его власти, а, реабилитируя его, потребовал, но безуспешно, чтобы весь народ и вся буржуазная демократия поддержали эту позицию Национального собрания, сплотившись вокруг него. «Разногласия», к забвению которых так страстно призывали Ламеты и Барнав, - это было размежевание сил внутри бывшего III сословия, углублению которого во многом способствовали их собственные действия.

Орудием борьбы Собрания за массы III сословия и прежде всего за те буржуазные слои, которые угрожали выйти из повиновения Барнавам и Лафайеттам, и должна была стать самая влиятельная политическая организация того времени - Якобинский клуб. А о размерах этого влияния, о центральной роли этого клуба достаточно убедительно говорит даже характер рассматриваемого нами сейчас его экстренного собрания 21 июня. Сюда явились делегации от секций, от филиала в пригороде Сен-Жермен-ан-Ле, от братского общества, от демократического клуба Кордельеров. Признал это особое значение Якобинского клуба и Лафайетт, объяснивший свое появление на этом его заседании³² тем, что именно в его рядах «должны находиться все добрые граждане при данных обстоятельствах»³³.

И как мы видели, этот их план первоначально как будто удался «кумирам 89 года». Принятая явно вопреки всей направленности речи Робеспьера резолюция Барнава могла означать, что Якобинский клуб стал на позицию поддержки действий большинства Национального собрания.

Однако уже ближайшие дни показали, что это было совсем не так. Во время заседания 22 июня депутата из Бреста, употребившего выражение «похищение короля» перебила «тысяча голосов» возгласами «говорите - бегство»³⁴. В связи с обвинениями, выдвинутыми Дантоном против Лафайетта, он не только потребовал, чтобы последнему клуб предложил представить свои объяснения, но и сделал тот вывод, что нечего бояться вызвать этим разногласия и споры (*divisions*), ибо они все равно уже существуют.

Однако, осуждая действия короля, приходя постепенно к выводу о необходимости судить его, подавляющее большинство членов Якобинского клуба имело в виду личность Людовика XVI, а не отказ от конституционно-монархического строя и переход к республике, требование которой еще накануне выдвинули Кордельеры в своей петиции на имя Национального собрания.

Когда в заседании 22 июня автор этой петиции Робер сообщил, что он был задержан в секции Святого Роха в то время, как он направлялся в братское общество, чтобы передать «обращение с требованием уничтожения монархии»³⁵, - со всех сторон раздались возгласы осуждения. Коммерсант, депутат Собрания Ботиду напомнил членам клуба, что они называются «Друзья Конституции», а она предусматривает монархию, и предложил не касаться больше этого вопроса, что и было принято. И все же некто Горгеро не удержался от того, чтобы заявить, что он лично рассматривает эту республиканскую петицию Кордельеров как «злодеяние» (*une sceleratesse*)³⁶, что было встречено аплодисментами, равно как и требование Ботиду, чтобы никакие депутаты от Кордельеров больше не допускались в клуб, пока они не откажутся от этой петиции³⁷.

Не успело закончиться это заседание, как около 10 часов вечера в столицу прибыл курьер с сообщением о задержании бежавшего короля в Варение. Сообщение об этом Дюбуа де Крансе было встречено криками «браво» и аплодисментами. Следующий час был посвящен чтению более подробных сообщений о бегстве и аресте короля и о роли Буйлье в планах двора³⁸.

Это событие явилось переломным моментом в развитии политического кризиса и вызвало усиление республиканского движения различных направлений и оттенков. 22 и 23 июня газета близкого к клубу Кордельеров

Кордельеров «Социального кружка» «Железные уста», «Парижские революции», «Французский патриот» Бриссо, «Народный оратор» открыто выступили против монархии.

Во главе демократического направления в республиканском движении стал клуб Кордельеров³⁹. Еще 21 июня ими была выпущена знаменитая «тираноборческая» афиша, на следующий день составлена петиция в Собрание с требованием республики, 24-го Кордельеры сделали это повторно - от имени 30 тыс. граждан, собравшихся на Вандомской площади.

Однако Якобинский клуб стоял в стороне от этого движения.

В следующем, внеочередном заседании клуба 23 июня продолжался натиск на него (а теперь еще и заискивание перед ним) со стороны «фельянских» кругов, которые намерены были использовать последствия кризиса всецело в своих интересах.

В момент открытия заседания появился герцог де Ноайль, встреченный аплодисментами. Но особого внимания заслуживает появление здесь герцога Луи Филиппа Орлеанского получившего прозвище «Эгалитэ» (Равенство). Поддержанный пятью членами клуба, герцог Орлеанский просил, «учитывая его желание быть принятым», упростить для него формальности - и это вполне объясняется известным нам его стремлением использовать создавшуюся ситуацию в целях приближения к престолу, в чем он опирался на т.н. «орлеанистскую партию», активнейшим представителем которой в Якобинском клубе был Шодерло де Лакло, автор известного романа «Опасные связи».

Раздавшиеся было возражение отпали после напоминания о том, что члены Национального собрания, чтобы быть допущенными в клуб, должны быть только представлены (кем либо из членов)⁴⁰.

Взявший немедленно после этого слово Лакло предложил посвятить заседание вопросу о том, какую позицию должно занять Собрание по отношению к королю по его возвращении. Король виновен в тяжком преступлении, но он еще король - доказывал один из ораторов. Против этого решительно выступил Дантон, предложивший, чтобы независимо от того, виновен король или безумен - выборщики (по одному от каждого из департаментов) избрали 10-12 членов опекунского совета (*conseil a l'interdiction*), обновляющихся каждые два года, при этом Дантон высказался против регента, т.е. против назначения одного лица на роль опекуна малолетнего дофина⁴¹.

Гораздо более определенно высказался 25 июня Симонн, предложивший провозгласить королем дофина и при нем создать регентский совет, «или дать ему того, кого закон призовет на эту должность»⁴². Но этим лицом должен был быть именно герцог Орлеанский, так как оба брата Людовика XVI бежали.

Видимо, однако, демарш, предпринятый Филиппом Эгалитэ у якобинцев, не только не вдохновил его на дальнейшие шаги в этом же направлении, но заставил немедленно отступить. После появления в печати 25 июня чего-то вроде орлеанистского манифеста, он в письме, опубликованном 28 июня, объявил, что навсегда отказывается от своих прав на регентство. Сторонники же его, однако, не сложили оружия.

Но день 25 июня 1791 г. принес новый поворот в развитии кризиса. Вопрос о том, что делать без короля, сменился другим - что делать с этим королем и с наследственной конституционной монархией в целом?

Прибывший вечером Людовик XVI был встречен в Париже гробовым молчанием. Народ отступил от изменника.

В этих условиях Якобинский клуб продолжает обсуждать позицию, которую должно занять Национальное собрание по отношению к королю. Но при этом подавляющее большинство его членов, в том числе и те, кто признавал его виновным и приходил к выводу о необходимости судить его и лишить королевского достоинства, делало это исходя из незыблемости принципа ограниченной (хотя и слабо) монархии, провозглашенного Конституцией 1791 г., и даже не требовало ни сузить в будущем prerogatives короля, ни расширить права народных масс.

26 июня раздаются возражения даже против еще далекого от требования республики предложения Дантона от 23 июня об опекунском совете. Текст такого возражения присутствовавшие решили уже было отпечатать, и лишь их относительная малочисленность помешала принять это решение⁴³. 27 июня Данжу (вероятно, в будущем член повстанческой Коммуны 10 августа 1792 г.), предугадывая намерения большинства Национального собрания, видя в бегстве короля одно из наиболее счастливых событий для завершения конституции, заявил, что в случае создания регентского совета, в нем, чтобы обеспечить его единство и быстроту действий должен председательствовать наместник королевства - гражданин, которому право на регентство дает его происхождение⁴⁴. Это был скорее всего явный намек на герцога Орлеанского, так как из оставшихся во Франции ближайших родственников короля он пользовался наибольшей популярностью. Возражая ему, Шамбон (будущий мэр Парижа в конце 1792 г), во-первых, сослался на практику различных административных и судебных советов, председатели которых избираются их членами, во-вторых, спросил «кто же те принцы из этой семьи, чье поведение могло бы внушать столь высокое уважение, чтобы доверить им столь большую власть? Что касается меня, я не знаю там ни одного такого».⁴⁵

То, что Данжу имел в виду именно Филиппа Эгалитэ, подтверждает выступление члена клуба, возражавшего против регента во главе совета и сообщившего, что «принц, имеющий по своему рангу на это право, не примет этот пост и что заявление его об этом должно появиться завтра в «Journal de Pans»⁴⁶, что, как было сказано выше, действительно имело место, когда герцог Орлеанский 28 июня опубликовал свое отречение от прав на роль регента».

Предвидя намерение Собрания полностью реабилитировать короля, Жире-Дюпре утверждал, что, провозглашая короля «неприкосновенным», оно (очевидно, в силу соответствующих статей Конституции) имело в виду, что он не ответственен за акты управления, но не за свои личные поступки. неприкосновенность не значит «безнаказанность» и возможно, следовательно, наказывать короля.⁴⁷

30 июня Редерер заявил, что «идея регентского совета без постоянного регента имела бы то преимущество, что привела бы скоро к познанию великой истины о том, что, подобно тому, как могло бы быть прекрасное регентство без регента, можно было бы иметь прекрасную монархию без монарха», на что член «триумvirата» Шарль Ламет возразил, говоря «как без иезуитского умолчания можно применить этот принцип к наследственности трона?»⁴⁸

Итак, к 1 июля мысль о виновности короля и даже о праве Собрания его судить и в силу этого о невозможности возвращения его к власти явно возобладали в выступлениях членов клуба. Тем же монархистам, кто придерживался иного мнения, все труднее становилось его высказывать.

Первым с открытым требованием республики выступил в клубе Билло-Варени, будущий выдающийся левый якобинец, близкий к эбертистам. «Я буду говорить языком человека свободного и освобожденного от национальных предрассудков» (т.е. монархических традиций и иллюзий). «Я поражен тем, что сейчас, когда трон почти опрокинут бегством короля, Собрание не занимается средствами его полного уничтожения. Итак, вот вопросы, которые я предлагаю обсудить какое правление подходит нам больше - монархическое или республиканское?» (Страшный шум)⁴⁹. Председательствующий Буш лишает Билло слова, так как он полностью «отклоняется от повестки дня», гласящей: «что должно сделать в настоящих обстоятельствах Собрание по отношению к королю». «Конституция провозгласила, что правление во Франции должно быть монархическим. Речь, следовательно, не идет о том, чтобы узнать - подходит ли ей больше какое-либо иное. Вы видите на всеобщему неодобрению, что ваше предложение не относится к повестке дня»⁵⁰.

Трудно было точнее передать продолжавшую оставаться конституционно-монархической позицию подавляющего большинства членов клуба. Но некоторым наиболее рьяным приверженцам монархической идеи и этого показалось мало. Епископ Ройе, видя в принципе ограниченной монархии основу Конституции, потребовал, чтобы автор этого предложения, т.е. Билло-Варенн был исключен из членов клуба. Другой оратор (по-видимому, это был Горгеро, назвавший республиканскую петицию Кордельеров злодейством), теперь в этих же выражениях обрушился на Билло, который после тщетных попыток развить свою мысль, должен был сойти с трибуны и покинул заседание.

Скрытый орлеанист Лакло воспользовался этим моментом, чтобы вновь выступить в защиту предложения о регенте⁵¹.

В заседании 3 июля новое предложение внес Реаль. Он начал свою речь с признания в том, что в Якобинском клубе, этом храме свободы «стесняют выражение мнения», т. е. фактически лишают права слова сторонников требования республики (именно так, как мы видели, поступило большинство 1 июля с Билло-Варенном). «Слово «республика» устрашает гордых якобинцев, я не произнесу его сегодня... Через двадцать лет наша молодежь будет образованной, наши старики будут лишены предрассудков, все будут обладать добрыми правами, и это слово, повергающее теперь в конвульсии, это правительство (существующее фактически в нашем представительном управлении) будет - не сомневайтесь в этом - французским правительством... Итак, отложим на несколько лет вопрос о республике и будем обсуждать возникший сейчас вопрос, исходя из предположения о монархии»⁵². Так как король, временно отстраненный Собранием от власти, еще не был судим, то пока нельзя назначать его преемника, а можно избрать хранителя королевского достоинства (*garde de la royauté*), который будет выполнять эти функции «от имени нации». Конституция не говорит о том, кто им может быть, но, вероятно, это должен быть ближайший наследник короля. Но сын Людовика XVI еще несовершеннолетний, герцог Орлеанский объявил о своем отказе, г. де Конти будет иметь достаточно стыда, чтобы сделать то же самое. Значит это лицо должно быть избрано депутатами от департаментов⁵³. Речь Реаля, хоть в принципе и республиканская, но практически сводившая дело к избранию регента, хоть очевидно и с более ограниченными правами, встретила всеобщее одобрение, что и выразилось в решении о ее напечатании.

Поддержал его предложение и Дантон. Отвергая ссылки на то, что конституция предусматривает регентство, он утверждал, что в данных обстоятельствах, пока короля не судили «нужен не регент, а наложение секвестра (т. е. передача на хранение) оказавшейся незанятой «должности» короля (*un sequestre a la royauté*). Не ставя перед собой задачу в данном случае более точного разъяснения мысли Дантона, мы полагаем, однако, что в распоряжении А.Матьеза не было достаточных оснований для утверждения о том, что «этим стражем мог быть только герцог Орлеанский»⁵⁴. К этому выводу он приходит, сопоставляя это предложение с тем фактом, что Дантон вместе с Лакло и Бриссо был автором текста петиции, принятой клубом 16 июля (на ней мы еще остановимся), требовавшей замещения Людовика XVI «конституционными средствами», то есть регентством герцога Орлеанского. Не говоря уже об упоминавшемся выше отказе последнего, на что прямо указал Реаль в речи 3 июля, которую лишь поддерживал в этой части Дантон, такого рода узкое толкование этих слов вызывает сомнение. Более вескими представляются нам приводимые Матьезом факты, относящиеся к осени -1792 г. и в частности, засвидетельствованная рядом источников беседа Дантона 23 и 24 сентября 1792 г. с сыном Филиппа Эгалитэ - герцогом Шартрским (будущим королем Луи Филиппом), а тогда 19-летним генералом в армии Келлермана. В этой беседе Дантон, презрительно отзываясь о парижанах, высказал свое неверие в прочность только что провозглашенной тогда республики и свою уверенность в том, что будет установлена «демократическая монархия», но что править в ней смогут не Бурбоны, а имеет на это шансы именно он, представитель Орлеанов, сражающийся под трехцветным знаменем, и советовал поэтому ему не вмешиваться в политику и сохранять себя, что важно «не только для вас и вашей семьи, но и даже и для нас»⁵⁵. Однако, независимо от того, в какой мере можно считать доказанными орлеанистские симпатии и расчеты Дантона, - во всяком случае несомненно, что летом 1791 г. он отнюдь не принадлежал к числу открытых и последовательных республиканцев. Поэтому-то он и поддержал выступление Реаля, а не Билло-Варенна.

Чем же объяснить это явно отрицательное отношение подавляющего большинства членов Якобинского клуба к идее, а тем более к практическому требованию республики?

Тем, что это на первый взгляд чисто политическое требование в действительности скрывало за собой (при наличии существенных различий в их понимании различными общественными группами) определенные социальные требования, условием осуществления которых являлся новый шаг по пути разрыва с прошлым в виде уничтожения монархии, даже в виде ее «конституционного» варианта. Ибо этот вариант выражал ни что иное, как компромисс с этим феодальным прошлым, выгодный лишь наиболее консервативным группам буржуазии.

А так как большинство тогдашнего Якобинского клуба, как было показано нами выше, состояло из верхушечных слоев буржуазной интеллигенции, являвшейся идеологическими и политическими представителями в первую очередь именно такого рода имущих кругов буржуазии, то они отнюдь не стремились отказаться от тех перспектив дальнейшего увеличения своей роли, которые открывала им монархия, творящая волю буржуазии, и совершенно не собирались открывать перспективы для увеличения политической роли мелкобуржуазных групп, не говоря уже о народных массах, что в данных условиях было бы неизбежным следствием перехода к республике.

Для привилегированных слоев этой буржуазной интеллигенции (члены различных академий), не говоря уже о лицах, состоявших на службе в королевской администрации или даже лично у короля, установление республики (даже буржуазной, в жирондистском духе) означало потерю всех этих теплых насиженных годами местечек. Как мы сейчас увидим, в тот момент лидеры будущих жирондистов в Якобинском клубе (например, Бриссо) видели в «представительном» характере правления, создававшемся конституцией 1791 г., достаточную гарантию против противников справа - роялистов, сторонников неограниченной власти короля, а в ее антидемократическом избирательном законе, лишавшем при помощи имущественного ценза основных политических нрав подавляющее большинство народа - защиту от его требований.

Далее, нельзя забывать, что при анализе позиций различных организаций периода революции (секции, клубы, впоследствии Конвент) надо исходить не только из данных о социальном составе их большинства, но учитывать и то, представители позиции какой социальной группы в данный момент пользуются здесь решающим влиянием.

В данном случае таким влиянием к началу кризиса лета 1791 г. в Якобинском клубе пользовались вожаки его правого крыла, которое скоро выйдет из него и станет известным под именем «фельянов». И хотя за неделю, прошедшую с дня бегства короля, как мы видели, влияние этих вожakov право-буржуазного крыла в клубе значительно упало, все же вдохновлявшаяся ими ненависть к республиканской форме правления продолжала владеть умами большинства. Все это давало основания для резко отрицательного отношения к поведению этого большинства Робеспьера - в стенах клуба и Марату - вне его, но по причинам, на которых мы остановимся особо, и они не поддержали в это время требование республики.

Вот что писал по этому поводу Марат 28 июня 1791 г.: «Недавно Лафайетт примирился с усыпителями из клуба Якобинцев, добрых патриотов которого он хочет перетянуть на свою сторону». И далее он так пояснял этот факт: «Я убежден, что члены Собрания, основавшие Якобинский клуб, исключая Робеспьера, единственного чистого человека в Сенате, все являются скрытыми монархистами, которые к низости принципов «черных»^{55a} еще добавили лицемерие. Они разыгрывают из себя патриотов лишь для того, чтобы завладеть доверием народа и удержать его, когда вспыхнет его справедливый гнев против контрреволюционных сенаторов (т.е. членов Учредительного собрания). Итак, я считаю депутатов этого Собрания - членов Якобинского клуба низкими и лицемерными усыпителями (endormeurs). Среди членов этого клуба есть несколько добрых патриотов, таких как Дантон, Лежандр, Фурнье, которых они стараются расположить в свою пользу. Несколько дней тому назад Ламеты и Барнав пригласили их к себе на чашку шоколада, где должен был присутствовать Мотье».⁵⁶

Для того, чтобы убедиться в глубокой обоснованности этого определения поведения вожakov большинства Якобинского клуба, как «усыпителей», необходимо уяснить социальные корни их политической позиции, рассмотрев для этого несколько документов из истории клуба.

Известно, что в то время как законодательство Учредительного собрания смело с пути экономической деятельности имущей буржуазии феодальные пережитки (ликвидация цехов, таможенных перегородок, королевского абсолютизма) основной социальный вопрос буржуазной революции - аграрный, затрагивавший интересы подавляющего большинства населения и потому и именуемый аграрно-крестьянским вопросом, законами 4-11 августа 1789 г. был разрешен исключительно в интересах землевладельческой буржуазии и немногочисленной зажиточной верхушки крестьянства, ибо только она в состоянии была за высокий выкуп освободить себя от основных феодальных повинностей. В основном только буржуазия, городская и отчасти сельская могла приобретать церковные земли из фонда т. н. «национальных имуществ», так как крестьянство не получало никаких льгот, которые могли бы сделать возможными эти покупки для его основной массы.

Вот почему антифеодальная борьба крестьянства Франции, так высоко поднявшаяся в дни «великого страха» 1789 г., не утихла и в 1790 и 1791 гг.

Захвативший власть буржуазно-либеральный блок, однако, упорствовал в своей аграрной политике. В марте и мае 1790 г. были уточнены условия и порядок осуществления этого выкупа, а сопротивлению крестьян были противопоставлены меры открытого насилия, опиравшиеся на принятый 23 февраля 1790 г. по требованию Лафайетта и Мирабо закон «О восстановлении общественного спокойствия». Национальная гвардия призвана была силой принуждать крестьян к повиновению.

15 июня 1791 г. Учредительным собранием была издана инструкция для урегулирования споров между помещиками и крестьянами о «законности» тех или иных сеньориальных повинностей, что опять таки не удовлетворило крестьянство, стремившееся полностью сбросить с себя феодальный гнет.

Вот почему на весть о бегстве короля к границе крестьянство ответило новым усилением своей борьбы, в ходе которой опять, как в 1789 и 1790 гг. запылали замки феодалов. «Бегство короля - сообщали, например, власти департамента Эро - вызвало такое брожение в деревнях, что несколько замков были разграблены и сожжены»⁵⁷.

Протест крестьянства против саботажа его требований большинством Собрания выражался и в отказе от уплаты налогов, так как оно все больше убеждалось в том, что взимающее их государство - чуждо, более того - враждебно сто, интересам и требованиям.

Заставить крестьянство вернуться на путь безропотного исполнения своего «долга», превратить всех членов обществ, присоединившихся в провинции к Якобинскому клубу в агитаторов, личным примером и силой убеждения помогающим установить послушание законам, - такова была цель первого из важных в данной связи документов. Мы имеем в виду принятое 1 июля и отпечатанное 9 июля 1791 г. обращение клуба с энергичным призывом к скорейшей уплате налогов⁵⁸.

Как же иначе, как не стремлением «усыпить», ослабить протест крестьянских масс против продолжавших их по-прежнему душить основных форм феодального гнета, можно назвать весь тон этого обращения, говорящий о глубоком удовлетворении его авторов тем, что им, их слою имущих буржуа дала совершенная массами революция, но полном их нежелании заботиться о действительном освобождении этих, в частности, крестьянских масс от гнета сеньоров. «Франция свободна: гражданин не ходит по земле угнетенной деспотизмом. Завоевав свободу, он поклялся ее поддерживать. Но может ли он быть верным своей, клятве, не подчиняясь законам, необходимым для его счастья и без которых не может существовать ни правительство, ни общество, ни сила, ни безопасность, ни собственность» - читаем в этом обращении.

Но в том то и дело, что переход от неограниченной монархии к «представительной», конституционной, при которой продолжал сохраняться социальный деспотизм старого сеньора, охраняемый теперь силой буржуазного государства, вовсе и не расценивается крестьянами как «свобода». «Самая прекрасная, самая священная революция дала нам права человека и гражданина. Мы ее погубим безвозвратно, если откажемся признавать свои обязанности», т. е. если население не станет путем уплаты налогов поддерживать ту новую власть крупной буржуазии, которая в действительности, как мы знаем, вступала во все более открытый союз с прежними угнетателями народа. «Общественная сила находится в руках народа; клевета уже с радостью распространяет слух о том, что в некоторых деревнях граждане настолько отказались признавать свой долг, что подчинили себе мундир и оружие национальной гвардии, чтобы оказать более энергичное сопротивление требованиям сборщиков налогов: не дай бог, чтобы Друзья конституции одобрили это богохульство. Следуйте нашему примеру. Ни один гражданин не может находиться среди нас, не доказав Обществу, что он уплатил налоги. Признавайте членами общества, гражданами и допускайте к исполнению этих почетных обязанностей только тех, кто даст вам такого рода свидетельство своего повиновения закону».

Предвосхищая [клич, брошенный в Собрании Барнавом 15 июля - «революция окончена»](#), авторы обращения утверждали, что дело революции якобы уже завершено на три четверти, и что теперь «только от нашей мудрости и осторожности» зависит достигнуть желанной цели. Отражая широко разлившееся по стране за неделю, прошедшую с момента бегства Людовика XVI, возмущение этим его поступком, авторы обращения не жалели слов для осуждения этого изменнического акта. Но в то же время они призывали к «объединению вокруг алтаря Конституции» 1791 г., «к верности законам Собрания и доверию его достойным депутатам»⁵⁹. А этим они, как видим, повторяли [лозунг, брошенный 21 июня большинством Собрания](#) и повторенный затем Барнавом в принятом по его проекту обращении Якобинского клуба к присоединившимся обществам в провинции.

Такова была та почва социальной удовлетворенности итогами революции, которая заставляла тогдашнее большинство Якобинского клуба в области политической борьбы цепко держаться за порядок вещей, который призвана была защищать конституционная монархия и ненавидеть требование республики.

Голос удовлетворенного имущего буржуа наиболее отчетливо звучал в нарисованной в этом обращении идиллической картине жизни якобы уже новой, чисто буржуазной Франции, изображенной с точки зрения той группы новых состоятельных собственников, которые в отличие от основной массы крестьян и городского плебейства видели себя, свое производство и торговлю избавленными от феодальных пут: «Все бедствия исчезли: Франция представляет собой обширный рынок (*un vaste marche*), куда свободный гражданин может без всякого обложения принести продукты земли и ремесла без того, чтобы его беспокоил подозрительный взгляд откупщика налогов, задерживали заставы, обкладывали дорожными и другими пошлинами, прерывали при совершении им своих дел агенты таможи»⁶⁰.

Не менее существенным для понимания социальных корней политической позиции большинства тогдашнего Якобинского клуба, в состав которого входили не только будущие «фельяны», связанные со старой денежной и колониальной буржуазией, но и будущие жирондисты - идеологи состоятельной торгово-промышленной буржуазии, является принятое здесь 9 июля обращение, текст которого был внесен Рёдерером⁶¹. Направленное в первую очередь против «эмигрантов и тиранов» и адресованное народам земного шара, оно вылилось затем в обращение «К соседним народам».

Клуб постановил, чтобы этот адрес был переведен на языки этих народов, отпечатан, разослан всем присоединившимся обществам, причем те из них, которые находились в пограничных департаментах, должны были в первую очередь принять все меры к распространению этого документа по ту сторону границы. «Англичане, бельгийцы, немцы, швейцарцы, савойцы, пьемонтцы, испанцы, солдаты всех народов, французы и вы образуют единый народ, одну семью, разъединение которой отныне невозможно»⁶² - так заканчивалось это обращение, призывавшее народы этих стран не дать роялистам-эмигрантам заставить их правителей превратить их в орудие коварных замыслов против свободы французов.

Характерно при этом, что, говоря о мерах Собрании против эмигрантов⁶³, авторы обращения убеждали не смешивать их с мерами старого, абсолютистского правительства Франции, стремившегося разорвать ее торговые связи с соседними странами. Это следовало понимать как манифест пришедшей к власти крупной буржуазии, стремившейся именно к расширению такого рода связей, к экономической экспансии. Эти устремления нашли свое выражение в эти дни в большой речи Бриссо в Якобинском клубе 10 июля 1791 г., которую было единодушно решено отпечатать и разослать всем членам Национального собрания и во все департаменты, так как, очевидно, именно она выражала наиболее адекватно те сдвиги, которые произошли в позиции определенной части большинства этого клуба.

Предмет дискуссии - позиция Собрания по отношению к Людовику XVI - Бриссо расчленил на пять вопросов: должен ли быть король судим, кем именно, в какой форме, кем он должен быть временно замещен и кем окончательно в случае его отрешения, и дал на каждый из них ответ. Король может и должен быть судим, а расширительное толкование его «неприкосновенности» отвергнуто, как противоречащее признанию суверенитета народа, лежащего в основе конституции. Все это доказывалось ссылками на английские авторитеты - труды Локка, Мильтона, Маколея, Джонса, Сиднея. Но независимо от того, «будет ли сохранена за Людовиком XVI корона или он будет заменен кем-либо, спасение народа, спасение конституции требуют, чтобы трон был окружен советом, который, получая свои права от народа, внушал ему доверие». Позже Бриссо обещал доказать, что проект избрания такого рода совета «единственно способен восстановить доверие к исполнительной власти и следовательно - мир и гармонию»⁶⁴, ибо это учреждение «полностью соответствует подлинным основам конституции, которые игнорируют или искажают противники этого предложения, обвиняя его авторов в республиканизме. Дискредитируя этим неопределенным понятием (*sous ce mot vague*) представительное правление, они клеветают на французскую конституцию; мы им докажем, что те, кого они называют республиканцами, являются наиболее стойкими защитниками этой конституции»⁶⁵, т.е. сторонниками подлинной конституционной монархии в отличие от будущих «фельянов», стремившихся сохранить за королем как можно больше важнейших prerogatives.

В этих словах ярко выражена та суть жирондистского «республиканизма» (в особенности этого, первого его периода), которая была охарактеризована чартистом Д.Гарни в речи, вызвавшей одобрение Энгельса. Д.Гарни сказал, что жирондисты колебались между монархией и демократией⁶⁶.

Переходя к доводам противников суда над королем, угрожавших, что это повлечет нападение монархических держав на революционную Францию, Бриссо открыто заявлял, что он желает этого⁶⁷, ибо уверен в ее конечной победе, так как в ней больше вооруженных граждан - солдат свободы, чем наемных солдат у тиранов.

В этой речи были заключены уже все те мотивы в пользу скорейшего развязывания войны с монархической Европой, которые были развиты жирондистами в 1792 г. и явились в субъективном плане толчком, побудившим жирондистский кабинет первым начать эту войну. Известно, что тогда Робеспьер подверг резкой критике авантюризм этой тактики, игнорировавшей опасность внутренней контрреволюции и объективно выражавшей экспансионистские вождения торгово-промышленной буржуазии.

Это был прежде всего тезис о разлагающем воздействии французской действительности на войска монархических держав. «Американская революция породила французскую, а эта будет священным очагом, откуда вылетит искра, воспламеняющая нации, повелители которой осмелятся приблизиться к нам». «Если бы короли Европы хорошо понимали свои интересы... они скорее стремились бы изолировать себя от Франции, чем входить с ней в соприкосновение, нападая»⁶⁸. Бриссо легкомысленно высмеивал возможную роль Англии в организации такого рода войны, допуская явную переоценку роли прогрессивного общественного мнения в этих странах, настроенного в пользу французской конституции, и в доказательство весьма односторонне изображал внутреннее положение ряда европейских стран: Англии, отягченной бременем огромного государственного долга, поглощенной борьбой с Ирландией, обеспокоенной ослаблением связей с ее колониальной империей, Голландии, Пруссии, с ее истощенной казной, страхом перед усилением Австрии, и т.д.

Итак все иностранные державы должны страшиться воздействия французской революции, а Франции нечего бояться их. Поэтому эти державы никогда не посмеют осуществить свои угрозы. Важно лишь занять по отношению к ним позицию, внушающую уважение. О том, что под этим Бриссо уже тогда подразумевал ни что иное как угрозу развязывания Францией превентивной войны, говорит тот факт, что в качестве примера такой позиции он называл действие Долгого парламента, немедленно объявившего войну Голландии, когда ее штатгальтер осмелился угрожать ему, подчинившего мятежные Шотландию и Ирландию, имея всего 40-50 тыс. солдат, в то время как во Франции их 3 миллиона. «Заграница будет нас бояться, если Франция наконец возьмет тон, подобающий свободным и справедливым гражданам по отношению к тиранам, которым лишь наше молчание придает смелость»⁶⁹. Таким образом и эта внешнеполитическая линия большинства Якобинского клуба, сформулированная лидером его «жирондистского» крыла, давала основание Марату называть его «усыпителем», ибо рассуждения Бриссо способны были действительно только усыпить бдительность французского народа по отношению к нависавшей над Францией и революцией угрозой - опасностью внутренней и внешней контрреволюции и интервенции.

Положительный ответ, дававшийся Бриссо 10 июля на вопросы о виновности Людовика XVI, о возможности и необходимости предания его суду, несомненно, выражал позицию, занятую наиболее прогрессивной частью Якобинского клуба к моменту обсуждения этой проблемы Учредительным собранием, т. е. к 13 июля 1791 г.

Позиция эта была, во-первых, определена отношением широчайших народных масс к личности короля, которого они единодушно осудили как изменника и клятвопреступника. Поэтому даже правая конституционно-монархическая группа (будущие «фельяны»), вожаки которой продолжали на деле помогать Людовику XVI выйти из затруднительного положения, открыто не смели уже выступать в клубе и его защиту и говорить о его «похищении», как они это делали в первые дни кризиса.

Во-вторых, Бриссо вероятно был прав, когда, восхваляя клуб в своей газете, писал, что в нем «все хотят осуждения короля, его смещения и замещения временным советом, избираемым департаментами»⁷⁰. По-видимому, именно к этой идее действительно склонялось большинство, причем отдельные его группы руководствовались при этом своими особыми расчетами и по-разному представляли себе права и функции этого совета.

Карра 11 июля говорил об этом совете, как о регентской коллегии, избираемой и сменяемой, держащей в своих руках высшую исполнительную власть, роль председателя которой поочередно, в течение трех месяцев, должен исполнять каждый из ее членов⁷¹, что вводило бы во Франции фактически временный республиканский порядок управления.

Скрытые орлеанисты (Шодерло де Лакло и др.), настаивая сначала на единоличном регентстве, вынуждены были после отказа герцога Орлеанского снять это требование и изменить свою тактику, но, вероятно, все же рассчитывали, что в регентском совете он сможет занять наиболее влиятельное положение.

Возможно, что именно к этому клонилось и предложение Дантона об опекунском совете.

При этом различные группы большинства, расходясь в вопросе о признании виновности Людовика XVI и необходимости и законности суда над ним, были в то же время едины в своем признании необходимости сохранения конституционно-монархической формы правления. «Что предстоит нам делать, - спрашивал Шено и своей речи 11 июля, - необходимо ли изменить нашу конституцию и от монархии перейти к республике? Я этого не думаю»⁷².

Поэтому крайне немногочисленные выступления в клубе с требованием этого перехода (например, Билло-Варенна. 1 июля) продолжали выражать позицию лишь отдельных его членов, не составивших даже сколько-нибудь компактного республиканского меньшинства. Это подтверждает и следующий факт.

Когда в начале июля в клуб стали поступать петиции от различных обществ в провинции на имя Национального собрания по вопросу о судьбе короля, то среди прочитанных и клубе оказалась и петиция из Перпиньяна. Первые ее строки были встречены аплодисментами, ибо члены большинства сочли, что речь идет о личности Людовика XVI, а не о монархическом правлении, как таковом. Вот они. «Представители, в этот момент вы весьма нуждаетесь в том, чтобы знать общественное мнение. Вот каково наше: чтобы быть римлянами нам недостаточно ненависти и изгнания королей. Первой мы обладаем, мы ожидаем от вас второго. Согласно установленному (вами) способу управления, король совершенно лишний». Председательствующий, Буш прервал раздавшиеся было и в этом месте аплодисменты заявлением о том, что в силу своего долга он не может разрешить аплодировать только что прочитанным словам этой петиции, заканчивавшейся следующим призывом: «Так как представляется удобный случай, избавимся от этого груза (т. е. от королевской власти), превратим Францию в республику»⁷³. При этих словах прорвалось всеобщее осуждение этого предложения. «Весь зал подымается, тысяча лиц требуют слова или берут его самовольно». Общий шум покрывает голос оратора, бросающего председательствующему: «чем читать эту петицию, лучше секретарь прочел бы нам следующий пункт нашего устава: «Верность конституции, ее самоотверженная защита, уважение и подчинение установленным ею властям...». Мы поклялись защищать конституцию. Выступать против конституционных декретов, читать писания, направленные против них, - нарушение этой клятвы: надо отказаться от Общества и выйти из его рядов». Председательствующий подтвердил эту точку зрения, признававшую, как видим, несовместимым с пребыванием в Якобинском клубе одно даже обсуждение требования республики, и всеобщие аплодисменты заглушили немногие голоса протеста. Буш счел необходимым «еще раз предупредить меньшинство, что оно никогда не заставит его ему уступить»⁷⁴.

Главной слабостью республикански настроенной группы членов Якобинского клуба было то, что к ней не примкнули признанные вожди левого крыла буржуазной демократии во главе с Робеспьером, который вообще после своей столь смелой речи 21 июня и до окончательного решения Собранием вопроса о судьбе короля, т. е. до 13 июля 1791 г., ни разу не выступил в Якобинском клубе. Молчание это весьма показательное, ибо оно говорит как об особенностях сложного и во многом противоречивого, страдающего серьезными слабостями отношения Робеспьера к самой проблеме - монархия или республика - так и об особенностях его тактики этого периода, удерживавших его вдали от зарождавшегося в это время массового республиканского демократического движения, становившегося в эти дни на путь открытого давления на Собрание.

Когда в Якобинском клубе еще продолжалась дискуссия по вопросу о том, какую позицию должно занять Учредительное собрание по отношению к Людовику XVI, оно, приступив 11 июля к окончательному решению этого вопроса, 13 июля подавляющим большинством голосов объявило короля «неприкосновенным», т. е. не подлежащим наказанию за свети действия, и выразило свою готовность вновь вручить в его руки верховную исполнительную власть, при условии принятия им конституции 1791 г. Это значило бросить вызов приговору народа, осудившего короля, и категорически выраженному мнению значительной части членов Якобинского клуба - этой самой разветвленной политической организации буржуазных кругов, включавшей не только будущих «фельянов», но и более прогрессивные группы представителей буржуазии, не говоря уже об открыто республикански настроенных клубе Кордельеров, народных обществах и некоторых других организациях в столице.

Решение это было принято вопреки энергичным протестам немногочисленной «левой» собрания. Будущий видный жирондист Петион требовал суда над королем и избрания исполнительного совета. Будущие монтаньяры Вадье и Грегуар настаивали на созыве для суда особого Собрания - Конвента.

Глава «левой» Робеспьер настаивал на отсрочке решения этого вопроса до его обсуждения самим народом, путем широкого референдума.

Реабилитация Людовика XVI Собранием встретила серьезные протесты со стороны более прогрессивной части Якобинского клуба, которая опиралась на гораздо более энергичное осуждение этого декрета другими более демократическими клубами и народными обществами Парижа.

В заседании Якобинского клуба 13 июля, во-первых, была решено отпечатать речь в Собрании Петиона, которую его большинство отказалось включить в состав брошюры с докладом Комитетов. Затем, после доклада Антуана слово взял Лежандр, активный деятель клуба Кордельеров. Он начал с заявления о том, что в отличие от всеобщих похвал энергии, проявленной Собранием в день бегства короля, он видел тогда в его поведении одну слабость. Переходя к вытекавшему из решений Собрания его намерению наказать только военных участников заговора (Буйлье и др.), Лежандр говорил - «На виновных набрасывают вуаль, их ищут только у границ. Возможно ли, что нас хотят заставить поверить в невиновность короля! ... Я утверждаю, что он - первый виновник... Я заявляю, что если бы члены Комитетов Собрания захотели бы узнать мнение масс народа, они пришли бы к верным выводам». Лежандр открыто обвинил в сообщничестве с королем «фельянские» элементы, что и вызвало попытку их защиты со стороны герцога де Ноайля⁷⁵.

Особого внимания заслуживает, конечно, речь в этом заседании Робеспьера. К сожалению, та часть ее, которая была посвящена критике доклада Комитетов, не дошла до нас.⁷⁶ Бросается, однако, в глаза уже при чтении ее первых слов, уклончивый характер этого его выступления в эту решающую минуту кризиса. «Внимание друзей свободы настолько приковано к этому вопросу (о виновности короля), что я упрекал себя, если бы стал обсуждать его подробно, после красноречивых выступлений с этой трибуны. Но вокруг этого мнения вырастает туман». Одним из главных препятствий, - которое встречает Национальное собрание, приступая к нему, является обвинение в республиканизме. И далее следовали широко известные его слова: «Меня обвинили в Национальном собрании в том, что я республиканец; этим оказали мне слишком много чести: я не являюсь им. Если бы меня обвинили в том, что я монархист, меня бы опозорили, так как я не являюсь им тем более. Я замечу прежде всего, что для многих слова республика и монархия совершенно лишены смысла. Слово республика не обозначает никакой определенной формы правления, оно относится к любому виду управления свободными людьми, обладающими отечеством. Однако, можно быть свободным при монархе так же, как и при сенате. Что представляет собою нынешняя французская Конституция? (т.е. конституция 1791 г.). Это республика с монархом. Таким образом, эта конституция вовсе не монархическая и не республиканская: она и то и другое»⁷⁷.

Н. И. Владимиров
Якобинский клуб в дни Вареннского кризиса 1791 года

Вслед за Робеспьером выступил Дантон, заявивший, что Собрание не может занять позицию, отличающуюся от общего чувства, выраженного всей нацией и резко осудившей принцип абсолютной неприкосновенности короля⁷⁸. Газета «Journal de Revolution», поместившая более подробный текст этого выступления, следующим образом передавала его заключительную часть: «Пусть Национальное собрание трепещет... Нация возрождается к свободе и это Геркулес, который задушил змей, пытавшихся его уничтожить. Она завершит свои двенадцать подвигов, уничтожая всех своих врагов»⁷⁹.

Углубленное рассмотрение вопроса о причинах такого рода позиции Робеспьера не входит в нашу задачу⁸⁰. Определяющим моментом здесь была, несомненно, характерная для него, как ученика и последователя Ж.-Ж.Руссо, абстрактность в оценке того или иного рода правления. Враг цензовой антидемократической конституции 1791 г., сторонник всеобщего избирательного права, человек, подошедший весной 1791 г. к пониманию узко-эгоистической природы интересов богачей и тем самым фактически стремившийся, как и Руссо, к республиканскому идеалу, Робеспьер в то же время представлял себе его в это время в отрыве от реальных классовых отношений. Проблема «монархия» или «республика», как мы только что видели, представлялась ему лишь «технической» проблемой организации высшей исполнительной власти (наследственный глава ее, ограниченный конституцией или «сенат» - т.е. верховенство законодательного органа, создающего правительственную коллегию). Для него важно, чтобы в любом случае был осуществлен принцип народного суверенитета, между тем в данных условиях сохранение конституционной монархии означало сохранение власти в руках самой умеренной, самой трусливой части имущей буржуазии, выступавшей в блоке с либеральным дворянством, причем, как доказали факты, блок этот потому и сохранил столь широкие prerogatives за королем, что намерен был использовать старую государственную машину и свои новые вооруженные силы (Национальную гвардию) для насильственного подавления стремления мелкобуржуазных и трудовых масс к политическому равноправию.

Не понимая этой социальной природы монархии, ее неразрывной связи с феодальным прошлым и с интересами тех самых богачей, в которых он уже видел «бедствие для народа», Робеспьер и утверждал ошибочно, что при монархии может существовать та же степень политических свобод, что и при республике. Вместе с тем Робеспьер полностью признавал виновность Людовика XVI и право нации наказать его отрешением от власти. В такого рода преступлениях, говорил он, «правосудие должно протянуть руку к голове помазанника божия»⁸¹.

Напомним, что значительно ближе стоявший к социальным нуждам и требованиям народных, плебейских масс Марат, несмотря на все его поразительные по силе и пронизательности разоблачения контрреволюционных действий королевского двора на страницах «Друга народа», также не примкнул в дни Вареннского кризиса к республиканскому движению.

Возможно, что его, как и Робеспьера, удерживало от этого опасение захвата власти при переходе к республике новой буржуазной олигархией, «аристократией богатств».

В то время как Робеспьер не в состоянии был проникнуть в социально-классовый смысл требования сохранения конституционной монархии, этот смысл обнажали выступления самих представителей кровно заинтересованных в этом имущих кругов старой буржуазии. Наиболее примечательной в этом отношении была известная речь Барнава в Учредительном собрании 15 июля 1791 г. «Меня страшит - признавался он, - бесконечное продолжение нашей революционной лихорадки... я боюсь продолжения беспорядков и волнений... революционное движение довело нас уже до предела, на котором нужно остановиться, - ибо дальнейшее развитие революции это уже ни что иное как покушение на собственность». «Я спрашиваю: существует ли еще какая-либо аристократия, которую можно низвергнуть, кроме аристократии собственности?... Какую же ночь 4 августа остается еще проделать тем, которые хотят идти дальше, если это не будут законы против собственности?... Таким образом, несомненно, революцию уже сейчас пора закончить... общий интерес и заключается в том, чтобы революция остановилась»⁸². В речи Барнава, как в капле воды, отразились самые сокровенные устремления стоявшей в это время у власти крупной конституционно-монархической буржуазии: сохранить монархию, приостановить дальнейшее развитие революции, не допустить «4 августа», направленного против буржуазной собственности. Таким образом, на первый взгляд чисто политическая борьба за образ правления в действительности носила гораздо более глубокий социальный характер, так как она явилась результатом обострения социальных, классовых противоречий внутри бывшего третьего сословия в ходе первого этапа революции.

Французская революция, как подчеркивал Энгельс, отнюдь не была просто борьбой за ту или иную форму правления, «...тогдашняя демократия представляла собой нечто совсем иное, чем просто политическую организацию... Французская революция была социальным движением от начала до конца...»⁸³.

Кризис лета 1791 г. свидетельствовал о резком обострении классовой борьбы, о назревании новых политических и социальных противоречий. Следствием этого кризиса был расстрел республиканской демонстрации, на Марсовом поле 17 июля и раскол в Якобинском клубе.

Какова же была роль Якобинского клуба в событиях, завершившихся кровопролитием на Марсовом поле 17 июля 1791 г.?

Декретом 15 июля, окончательно снимавшим вину с Людовика XVI, Собрание фактически восстанавливало его на троне. Но этим политический кризис не только не был ликвидирован, а вступил в новую фазу своего развития. В Париже росло недовольство этой явно реакционной политикой. Народные общества требовали референдума по вопросу о судьбе короля. Однако, в то время как представители большинства Якобинского клуба призывали, не обсуждая этот декрет, принять его как таковой и заняться вопросом о судьбе личности короля⁸⁴, левая часть клуба не выступила с единодушным протестом против этого декрета. Робеспьер говорил, что не видит в нем намерения снять ответственность с Людовика XVI, т.к. Собрание 13 июля не решило ничего ни в пользу, ни против короля⁸⁵.

Преследуя, несомненно, цели своей группы, тайный орлеанист Лакло, используя нерешительность руководителей левого крыла и искусно используя мысль Робеспьера о референдуме, предложил, чтобы от имени всех «добрых патриотов» клуба была в сдержанной, но решительной форме составлена петиция к Собранию, копии ее разосланы всем патриотическим обществам для подписания их членами в отдельности⁸⁶ и для дальнейшей рассылки во все окрестные местечки, города и деревни, для чего право поставить свою подпись должно быть предоставлено всем гражданам - активным, пассивным, женщинам, подросткам. Так как Лакло утверждал, что формально, неопределенная позиция Собрания объясняется незнанием желаний нации, то получение им такого рода петиции, покрытой 10 миллионами подписей, откроет ему на это глаза.

Облеченное в форму сугубой легальности предложение это было косвенно поддержано Дантоном и Робеспьером и принято⁸⁷. «Заседание уже подходило к концу, читаем мы в протоколе, когда один член клуба сообщил, что более четырех тысяч граждан направились из Пале-Рояля в Общество. В тот же момент зал заполнился депутацией этих граждан, мужчинами, женщинами всех состояний». Это, строго говоря, была не депутация, а значительная часть из тех 4-8 тысяч человек, принадлежавших к демократическим слоям населения, которые собрались в цирке Пале-Рояля, чтобы в отличие от Якобинского клуба выразить свое крайнее возмущение декретом 15 июля. На этот массовый митинг члены клуба Кордельеров явились в полном своем составе, после того, как они приняли уже утром этого дня на Марсовом поле петицию с протестом против действий Собрания и с требованием референдума по этому вопросу. Проникнув с трудом в Собрание, два делегата имели разговор с Робеспьером и Петитоном, которые считали петицию уже невозможной и письменно подтвердили это свое убеждение⁸⁸. Когда улегся шум, вызванный этим первым появлением массы в стенах Якобинского клуба, представитель этой внушительной «депутации» сообщил о решении ее участников отправиться завтра на Марсово поле для принесения клятвы «никогда не признавать Людовика XVI королем»⁸⁹ и предложил обществу якобинцев присоединиться к этому плану. «После ответа председательствующего этой интересной депутации (порадившей, очевидно, уважаемых «Друзей Конституции» престономаршальским обликом ее большинства. - Н.В.), ряд ораторов, среди них и Лакло, поддержали эту идею, совпадавшую, как видим, с предложением, внесенным этим последним. После довольно продолжительных прений было решено, что на следующий день, 16 июля, в 11 часов утра, Общество снова соберется, чтобы ознакомиться с текстом этой петиции, которая затем будет отнесена на Марсово поле для сбора подписей всех желающих, а копии этой петиции будут разосланы всем патриотическим обществам для той же цели⁹⁰. Здесь же клуб избрал редакционную комиссию, в состав которой по некоторым другим данным вошли Дантон и Бриссо. На следующее утро, т.е. 16 июля, двери церкви монастыря св. Якова были широко открыты, чтобы вместить явившуюся сюда для слушания текста петиции необычную демократическую аудиторию⁹¹. Текст гласил,

что подписывающие его «требуют формально, чтобы Собрание приняло, от имени нации, сделанное 21 июня Людовиком XVI отречение от врученной ему короны и позаботилось о его замене при помощи всех конституционных средств..., что они никогда не признают Людовика XVI своим королем, если только большинство нации не выскажет воли противоположной той, которая выражена в этой петиции»⁹². Характер этой петиции свидетельствовал о том, что ее составители стремились оказать давление на Собрание, но вовсе не намеревались выходить за рамки легальных, более того, чисто конституционных средств. Одобренная и принятая петиция эта в 12 часов дня была отнесена на Марсово поле специальными уполномоченными (комиссарами клуба). Прочитанная там, она встретила здесь энергичный протест со стороны гораздо более решительно настроенных членов клуба Кордельеров и созданной «Социальным кружком» организации «Друзья Истины». Они требовали зачеркнуть в петиции слова «всеми конституционными средствами» и после слов «не признавать королем Людовика XVI» -добавить «и никакого другого». Представители клуба не соглашались на внесение этих поправок явно республиканского характера и отправились на совещание со своими сочленами⁹³. На вечернее заседание клуба было допущено 200 человек из числа демократических участников дискуссии на Марсовом поле, но уже без права слова в заседании Якобинского клуба; для них была выделена даже отдельная часть зала. После четырехчасовых прений было решено, что никаких изменений в тексте этой петиции не должно быть⁹⁴. Член клуба может подписать петицию, представленную депутацией, лишь при условии сохранения пункта о замещении короля всеми конституционными средствами. В ответе, который был дан делегации, содержался настоятельный совет «сообразоваться с Конституцией». Видимо в этот же момент текст петиции был направлен для отпечатания в типографию «Социального кружка». Но тут в клуб прибыл депутат Собрания, который сообщил о том, что им только что уже принят декрет, решающий судьбу короля, и хотя ознакомившись с текстом, нельзя было не убедиться в том, что он содержит явную реабилитацию короля, к осуждению личности которого большинство клуба под влиянием его левой части и настроений народных масс склонялось как будто в это время - здесь было все же решено, что петиция теперь не может быть подана.

На следующее утро, в воскресенье, 17 июля, председательствовавший накануне член клуба приостановил печатание петиции, а ряд других составили заявление о содержании принятого накануне вечером декрета и о необходимости в связи с этим прекратить сбор подписей. С этим заявлением они и поспешили на Марсово поле⁹⁵.

Известно, что клуб Кордельеров и другие народные общества не последовали примеру Якобинского клуба, а возглавили республиканскую манифестацию. Робером была составлена новая, по сути чисто республиканская петиция, под которой подписались Шометт, Эбер, Коффиналь, Сантерр, Анрио и другие видные демократы, но Робеспьер и Дантон своей подписи не дали.

Возникает вопрос, чем объяснить относительно умеренную позицию, занятую Робеспьером? Почему в эти дни, когда взрыв сильнейшего негодования и возмущения охватил народные массы Парижа, когда Марат страстно призывал народ к восстанию не только против короля, но и против реакционного Собрания, требуя «разогнать бесчестное Собрание, долго торговавшее интересами нации»⁹⁶, Робеспьер, приветствовавший ранее народное восстание 14 июля 1789 г. и другие революционные выступления народа избрал крайне умеренную линию поведения?

На этот вопрос нелегко дать вполне определенный ответ, несмотря на то, что сам Робеспьер в написанном им 18 июля «Обращении к французам» говорил, что он и его единомышленники вежливо старались дать понять петиционерам, что доверие последних компрометировало их как депутатов Собрания. Такая позиция Робеспьера, конечно, не может объясняться лишь боязнью личной компрометации. С уверенностью можно утверждать, что Робеспьеру конечно, были совершенно чужды корыстные цели - сохранение депутатского престижа, чувство обывательского «самосохранения». Жерар Вальтер полагает, что возможны две версии объяснения причин такого рода поведения Робеспьера: первая выдвинута им самим, а другая та, которую представляют факты. Выслушаем сначала Робеспьера. Он решительно снимает с себя ответственность за события 17 июля 1791 г., категорически отвергает обвинение в призывах к неповиновению законам (начиная с его речи 21 июня в клубе) и в том, что он якобы является одним из руководителей так называемой республиканской партии⁹⁷. Выдвинутая «вторая версия» по существу этим автором так и не рассматривается.

На наш взгляд, следует обратить внимание на слова Робеспьера о том, что он 15 июля убеждал явившихся в Якобинский клуб многочисленных представителей участников митинга в Пале-Рояле воздержаться от подачи петиции, потому что какое-то мрачное предчувствие, явные признаки говорили ему о том, что враги свободы давно ищут повода преследовать Общество, т.е. Якобинский клуб, и осуществить какой-то зловещий план, направленный против собравшихся граждан⁹⁸. Как видим, это позднейшее объяснение не совпадает с тем, как было зафиксировано выступление Робеспьера в протоколе заседания и воспринято слушателями; его можно было понять как поддержку идеи петиции (выдвинутой тогда еще Лакло и отвечавшей смыслу внесенного самим Робеспьером в Собрании предложения о предварительном выяснении мнения народа по вопросу о судьбе короля).

Приходится признать, что эта общая линия самооправдания Робеспьера полностью совпадает с линией самого Якобинского клуба, выраженной в его обращении к Учредительному Собранию, датированном в оригинале 18, а при опубликовании - 20 июля⁹⁹.

Как известно, вслед за расстрелом безоружной демонстрации на Марсовом поле 17 июля 1791 г. последовал ряд репрессий, направленных не только против непосредственных ее участников, но и против всего лагеря буржуазной демократии в целом¹⁰⁰, конфискация газеты «Друг народа» и т. д. Выстрелы в народ на Марсовом поле возвестили, что классовые противоречия, скрытые ранее, теперь приобрели открытый характер, что «фельянская» верхушка старой буржуазии и шедшее с ней либеральное дворянство перешли на сторону контрреволюции. Обострение классовой борьбы в стране, новая расстановка и поляризация классовых сил и привели к расколу в Якобинском клубе на этом этапе политического кризиса лета 1791 г. Причиной этого раскола (seission) в Якобинском клубе, по мнению многих авторов, являлось принятие здесь 16 июля 1791 г. петиции с требованием низложения Людовика XVI. Действительно, часть членов Клуба ушла из него именно в этот день, и одним из главных обвинений, выдвигавшихся против Якобинского клуба в это время было участие в составлении этой петиции. Однако, истинные причины раскола были значительно глубже. Раскол был обусловлен социальной неоднородностью состава клуба, он был ускорен изданием Национальным Собранием реакционного декрета о «неприкосновенности» короля и той борьбой, которая разгорелась вокруг него в Собрании и в клубе: По мере углубления революции классовые противоречия обострялись и в клубе в такой мере, что борьба могла завершиться только уходом из него правого крыла, состоящего из умеренных буржуазных и либерально-дворянских элементов и в первую очередь депутатов Собрания, настроенных в пользу монархии.

Умеренно-либеральные члены клуба ушли из Якобинского клуба и образовали свой клуб с таким же названием «Общество друзей Конституции», который заседал в здании бывшего монастыря фельянов и от него получил затем свое, особое наименование.

Н. И. Владимирова

Воспроизвести сколько-нибудь полную картину раскола, к большому сожалению, невозможно, так как, хотя 16 июля Якобинский клуб собирался дважды – утром и вечером, но протоколы этих собраний до нас не дошли. На события этого дня проливает свет, да и то скудный, газета «Balageb» - («Болтун»), сочувствующая фельянам. По ее сообщению Буш, в активных антиреспубликанских настроениях которого мы уже не раз могли убедиться, и все члены клуба - депутаты Учредительного Собрания «поспешно покинули заседание, чтобы не участвовать в обсуждении петиции. Принесенная ими присяга запрещает им сюда вернуться»¹⁰¹. Во главе фельянов становится известный «триумvirат» - Адриен Дюпор, А.Ламет и Барнав. Каково было соотношение между расколовшимися в численном отношении, как велико было число фельянов? Существует два списка членов этого клуба: список, датированный 16 и 18 июля 1791 г. включает в себе 365 имен¹⁰². Если учесть, что общее число членов Якобинского клуба в это время исчислялось, примерно, в 1500 чел., то становится ясным, что к фельянам ушла из Якобинского клуба, примерно, четвертая часть его членов. Второй список был найден в делах клуба фельянов 18 августа 1792 г. Он не датирован, но при нем есть дополнительный лист, помеченный 4 октября 1791 г. и содержащий фамилии 798 депутатов Законодательного собрания, которые записались у фельянов¹⁰³.

Отколовшиеся от Якобинского клуба фельяны отражали настроения удовлетворенной своими достижениями крупной старой буржуазии и примкнувшего к ней либерального дворянства, стремившихся к прекращению революции. Рассматривая период существования Якобинского клуба после раскола 16 июля, можно сказать, что это был критический период в его истории. В Парижском Якобинском клубе осталось осенью 1791 г. лишь незначительное число членов. Газета «Оратор народа» с сожалением сообщала, что «клуб якобинцев почти совершенно рассеян. Это то, чего так ожидали враги революции, то, чего так давно желало Национальное собрание»¹⁰⁴.

К фельянам перешли почти все члены Учредительного собрания. Единственными депутатами, которые остались у якобинцев, были непреклонный Робеспьер, будущий монтаньяр Антуан, жирондисты Петион, Бюзо и Корроле¹⁰⁵. Уход фельянов застал якобинцев неподготовленными к расколу, но «он огорчил нас, но не обескуражил»¹⁰⁶, как говорилось в обращении якобинцев к присоединившимся обществам. В борьбе между фельянами и якобинцами большинство провинциальных клубов приняло сторону последних¹⁰⁷, что имело решающее значение для будущего.

То обстоятельство, что при расколе Якобинский клуб не распался и не прекратил своего существования, а, очистившись от правых монархистов-конституционалистов, стал гораздо более демократическим по своему составу и превратился впоследствии в могучий оплот революции, является прежде всего результатом дальнейшего углубления революции, усиливавшегося воздействия на ведущую часть членов клуба борьбы народных масс. Тщательное изучение протоколов Якобинского клуба, которые, ввиду отсутствия тогда стенографии, в ряде случаев представляют собой обрывки мыслей, часто лишенных на первый взгляд даже логической последовательности, показывает, что скрытая за неполнотой и скупостью этих записей линия Робеспьера в этот период в Якобинском клубе была линией борьбы за сохранение и укрепление революционной организации клуба, в недрах которой зародилась, окрепла и возмужала политическая партия революционных «якобинцев с народом». Тактика Робеспьера определялась, с одной стороны, его опасениями, что раскол разрушит «единый фронт» против монархии, реакции, контрреволюции. С другой стороны, Робеспьер стоит за последовательное размежевание с фельянами, старается разоблачить их контрреволюционную сущность перед народными массами.

Именно выступление Робеспьера в клубе 24 июля 1791 г. сыграло решающую роль в том, что он не стал на путь примирения и «воссоединения» с отколовшимися фельянами¹⁰⁸. [А.Тырсенко. Фейяны]

После раскола встал вопрос об организационном укреплении клуба и сохранении связи с «присоединившимися» обществами в провинции. Уход фельянов вызвал необходимость провести чистку клуба, пересмотреть вопрос о его администрации, об организации своей газеты. Вместо прежней газеты «Journal de la Societe», отошедшей к фельянам, якобинцы основали свой орган под названием «Journal des debats de la Societe», редактором которого был назначен Дефлер, находившийся в тот момент под арестом¹⁰⁹. Таким образом раскол помог определиться более прогрессивному ядру клуба. Газета «Революции Франции и Брабанта» писала по этому поводу, что он помог «очистить якобинцев от всякой скверной закваски и сорвать маску с мнимых патриотов»¹¹⁰. В результате горячей борьбы якобинцев в прессе, в адресах, посланных на места, в обращении к Собранию, наконец непосредственно в самом клубе, принципы очистившегося от фельянов ядра клуба одержали победу, и мы видим, как подавляющее большинство «присоединившихся» обществ «уверяют в преданности» материнское Парижское общество. Эти общества придавали большое значение роли Робеспьера в клубе, но не отличали еще его отчетливо от будущих лидеров жирондистов. Это видно из того, что они писали: «там, где находятся Петион и Робеспьер, там находятся верные друзья Конституции...»¹¹¹ Ведя борьбу против фельянов, якобинцы указывали, что дверь останется всегда открытой для тех, кто захочет подчиниться принципам новой организации. Эта политика принесла свои плоды. Уже в августе 1791 г. мы находим в газете «Революции Франции и Брабанта» сведения о том, что некоторые из членов Национального собрания, покинувших клуб, возвращаются к якобинцам¹¹².

О победе якобинцев, росте их авторитета свидетельствует тот факт, что из ряда городов обращаются к ним с просьбой открыть здесь «филиальные» отделения клуба или же вступить с местными обществами в переписку¹¹³.

Освобожденный от умеренных конституционно-монархических элементов Якобинский клуб получил относительно демократическую окраску, однако еще далеко не стал однородным. Во второй половине 1791 г. и в первой половине 1792 г. здесь выделяются следующие течения. Руководящее место конституционистов-монархистов занимают теперь жирондисты («бриссотинцы»), но зато стало значительно сильнее и робеспьеристское крыло буржуазной демократии. На его левом фланге стоят Билло-Варенн и [Колло Д'Эрбуа](#), значительно правее - дантонисты¹¹⁴. К представителям «радикального парижского направления» надо отнести также Марата, [Эбера](#) и [Шометта](#). Недолговечность этого блока была очевидной.

Понадобилась еще одна чистка клуба - изгнание «бриссотинцев» и только к концу 1792 г. Якобинский клуб окончательно превратился в радикальную партию левого, наиболее демократического крыла революционной буржуазии. Но этот период уже связан с новым этапом истории Великой французской революции и Якобинского клуба.

Примечания

¹ В.И.Ленин. Переход контрреволюции в наступление. Соч. т.24, стр.495.

² В.И.Ленин. О врагах народа. Соч., т.25, стр. 41.

³ В.И.Ленин. Можно ли запугать рабочий класс «якобинством»? Соч., т.25, стр.102.

⁴ Zinkeisen, Der jakobiner Klub, B.II, 1853, S.998-999.

⁵ Ж.Ленотр, Париж в дни революции, стр.305.

⁶ «La Societe des Jacobins». Recueil de documents pour Histoire du club des Jacobin de Paris, par F.A.Aulard, t.t.I-VI, Paris, 1889-1897.

⁷ A.Fribourg, Le club de jacobins en 1790. d'apres de nouveaux documents. P., 1910.

⁸ L.Cardenal, La province pendant la Revolution. Mistoire de clubs jacobins, 1789-1793 P., 1929.

⁹ J.Castelnaud, Le club des Jacobins 1789-1795. P., 1948; Gerard Walter, Histoire des Jacobins, P., 1956; периоду Вареннского кризиса здесь посвящена одна небольшая глава.

¹⁰ С.Brinton, The Jacobins. N.-Y., 1930.

¹¹ См. краткий обзор ее в статье [Е.З.Серебрянской](#) - *Ред.*

¹² См. об этих работах выше.

¹³ Б.Зарудский, Парижский клуб якобинцев в первые годы его существования до раскола 16 июля 1791 г., Киевские университетские известия, 1915, № 1, стр.1-70.

¹⁴ С.Моносов, Якобинский клуб, Харьков, 1925; его же, Очерки по истории якобинского клуба, Харьков, 1928.

¹⁵ См. Французская буржуазная революция 1789-1794, под ред. акад. В.П.Волгина и акад. [Е.В.Тарле](#), М.-Л., 1941 (тут же библиография стр.744-745, 749-750, 760-761, 777); А.З.Манфред. Великая французская буржуазная революция XVIII в., М., 1956.

¹⁶ Подробный обзор преимущественно зарубежной историографии Великой французской революции вплоть до современной см. во введении В.Маркова, к сборнику статей «Jakobmer und Sansculotten», В., 1956, SS.VII-XXXVIII; Обзор работ советских историков дан в статье О.Л.Вайнштейна - «Изучение Франции средних веков и нового времени советскими историками» («Французский ежегодник», 1958, М., 1959, стр. 498-504).

¹⁷ О состоянии историографии этого кризиса см. В.С.Алексеев-Попов «Социальный кружок» и демократическое республиканское движение 1791 г.», (сб. «Из истории общественных движений и международных отношений», памяти акад. Е.В.Тарле, М., 1957, стр.170-176).

¹⁸ В «Общество Якобинцев, друзей свободы и равенства» оно была переименовано только 21 сентября 1792 г.

¹⁹ В.И.Ленин, Две тактики социал-демократии в демократической революции. Соч., т.9, стр.34-35.

²⁰ С целью обеспечить поступление оперативной информации и связи с народными обществами, секциями и различными органами власти клуб прежде всего постановил создать постоянно действующий комитет из двух членов от каждой секции, который должен был через каждые два часа информировать свои секции о результатах заседания. Во-вторых, было выделено по два комиссара для отправки в Национальное собрание, Парижский департамент и Совет Коммуны, которые должны были по очереди каждый час являться в общество и давать отчет об их действиях и отношении к происходящим событиям («La Societe des Jacobins», t.II, pp.531-533).

²¹ Речь эта была издана клубом в виде отдельной брошюры и намного увеличила популярность Робеспьера в стране (см «La Societe des Jacobins», t.II. p.p.396-410).

²² «Клуб 1789 г.» был образован правым крылом конституционалистов-монархистов.

²³ Речь идет о командующем Национальной гвардией Парижа Лафайетте, который как мы знаем, действительно явился на это заседание.

²⁴ Buchez et Roux, Histoire parlementaire de la Revolution francaise, t.X, p.p.291-296.

²⁵ «La Soci?te des Jacobins», t.II, p.533.

²⁶ Buchez et Roux, Histoire parlementaire de la Revolution francaise, t.X p.296.

²⁷ «La Soci?t? des Jacobins», t.II, p.533.

²⁸ Ibid., p.536.

²⁹ Ibid., p.537.

³⁰ Ibid., p.532.

³¹ Ibid., p.538.

³² Он явился одним из основателей значительно более правого «клуба 1789 г.» и очевидно до этого не поддерживал с «Обществом друзей конституции» никаких отношений.

³³ «La Soci?t? des Jacobins», t.II, p.537.

³⁴ «La Soci?t? des Jacobins», t.II, p.543.

³⁵ Ibidem, p.541.

³⁶ Ibidem, p.541.

³⁷ Ibidem, p.542.

³⁸ Ibidem, p.542.

³⁹ См. A.Mathiez, Le club des Cordeliers pendant la crise de Varennes et le massacre du Champ de Mars, P., 1913.

⁴⁰ «La Soci?t? des Jacobins», t.II., p.545.

⁴¹ Ibidem, p.546-547.

⁴² «La Societe des Jacobins», t.II, p.552.

⁴³ Ibidem, p.554.

⁴⁴ Ibidem, p.563.

⁴⁵ «La Societe des Jacobins», t.II, p.564.

⁴⁶ Ibidem, pp.565-566.

⁴⁷ Ibidem, p.565

⁴⁸ Ibidem, p.568

⁴⁹ «La Soci?t? des Jacobins», t.II, p.574.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ibidem, p.574-575.

⁵² Opinion de P.F.R?al sur la question de savoir quel parti il faut prendre dans les ciconstances actuelles. P., 1791. Цит. по: А.Олар, Политическая история французской революции, М., 1931, стр.167, Газета клуба («Journal des jacobins», N 21) поместила неполный и искажающий смысл этой речи текст ее.

⁵³ «La Soci?t? des Jacobins», t.II. p.578.

⁵⁴ A.Mathiez. Autour de Danton, P., 1926, p.151.

⁵⁵ A.Mathiez, цит. соч., p.p.146-151.

^{55a} «Черными» назывались (очевидно, по цвету одежды игравшего среди них видную роль реакционного католического духовенства) представителе крайне правой части Собрания.

⁵⁶ «L'Ami du Peuple», 28 июня 1791 г. Мотье - это Лафайетт.

⁵⁷ Французская буржуазная революция 1789-1794. Под ред. акад. В.П.Волгина и акад. Е.В.Тарле. М.-Л., 1941, стр.118. См. также А.В.Адо. Из истории крестьянского движения в первые годы французской буржуазной революции конца XVIII века (Вестник МГУ, 1956, № 4); он же, «Аграрное законодательство Учредительного собрания и крестьянское движение во Франции в 1790 г.» (Новая и новейшая история, 1959, № 2).

- ⁶¹ «La Société des Jacobins», t.II, p.599.
- ⁶² Ibidem, p.605.
- ⁶³ Речь идет о декретах, устанавливавших срок возвращения эмигрантов и меры наказания за отказ от его выполнения.
- ⁶⁴ «La Société des Jacobins», t.II, p.609.
- ⁶⁵ Ibidem.
- ⁶⁶ См. К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.2, стр.595.
- ⁶⁷ «La Société des Jacobins», t.II, p.618.
- ⁶⁸ «La Société des Jacobins», t.II, p.622.
- ⁶⁹ Ibidem, p.625.
- ⁷⁰ «Le Patriot français», 11 juillet 1791.
- ⁷¹ «La Société des Jacobins», t.III, p.2.
- ⁷² Ibidem.
- ⁷³ «La Société des Jacobins», t.II, p.587.
- ⁷⁴ Ibidem, p.588.
- ⁷⁵ «La Société des Jacobins», t.III, p.12.
- ⁷⁶ Она заменена в протоколе комплиментами по поводу проявленных им здесь «чувств, достойных его патриотизма и выпаженных с присущим ему красноречием» (ibidem, p.12-13).
- ⁷⁷ «La Société des Jacobins», t.III, p.12.
- ⁷⁸ Ibidem, p.13.
- ⁷⁹ Ibidem.
- ⁸⁰ См. об этом в статье [Е.З.Серебрянской](#), стр.284-289. - Ред.
- ⁸¹ См. Gerard Walter. Robespierre, La montée vers le pouvoir (1789-1791), P., 1936, p.289.
- ⁸² Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la révolution française, t.XI, p.p.64-67.
- ⁸³ К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.2, стр.588-589.
- ⁸⁴ «La Société des Jacobins», t.III, p.16.
- ⁸⁵ Ibidem, p.17.
- ⁸⁶ Чтобы не нарушать запрета коллективных петиций.
- ⁸⁷ «La Société des Jacobins», t.III, p.17-19.
- ⁸⁹ Gerard Walter. Robespierre, p. 297-298. 8° «La Société des Jacobins», t.III, p.19.
- ⁹⁰ Ibidem.
- ⁹¹ События в клубе 16 и 17 июля помимо протоколов более подробно освещены в обращении клуба к Собранию от 20 июля («La Société des Jacobins», t. III. p. 42-44).
- ⁹² «La Société des Jacobins», t.III, p.20
- ⁹³ «La Société des Jacobins», t.III, p.24.
- ⁹⁴ Ibidem, p.43.
- ⁹⁵ Ibidem, p.44.
- ⁹⁶ «L'ami du peuple», N 519, 15 juillet 1791.
- ⁹⁷ Gerard Walter. Robespierre, p.172, 173, 174.
- ⁹⁸ Ibidem, p.178.
- ⁹⁹ «La Société des Jacobins», t.III, p.38-44.
- ¹⁰⁰ Марат, Фрерон и Робер должны были некоторое время скрываться, Дантон уехал в Англию. К судебной ответственности были привлечены 14 человек. Троице из них - К.Демулену, Лежандру и Сантеру удалось скрыться.
- ¹⁰¹ «La Société des Jacobins», t.III, p.24.
- ¹⁰² Ibidem, p.33.
- ¹⁰³ Ibidem.
- ¹⁰⁴ Ibidem, p.60.
- ¹⁰⁵ Ibidem, p.34.
- ¹⁰⁶ Ibidem, p.31.
- ¹⁰⁷ Ibidem, pp.71, 79, 81, 83, 102, 108.
- ¹⁰⁸ «La Société des Jacobins», p.49.
- ¹⁰⁹ Ibidem, p.53.
- ¹¹⁰ Ibidem, p.65.
- ¹¹¹ Gerard Walter, Robespierre, p.183.
- ¹¹² J.Castelnau, Le club des jacobins, p. 67. из «La Société des Jacobins», t.III, p.p.66, 71, 81, 86, 90, 93,104 и сл.
- ¹¹⁴ См. Кунов. Борьба классов и партий в Великой французской революции, 1919, стр.504.